

Стенограмма
Круглого стола «Память женского рода»
в рамках проекта «Клуб Раисы Максимовны Горбачевой»
22 октября 2024 года

«Вспомнить, написать, рассказать свою историю публично – значит обрести новую степень свободы. Перестройка началась в нашей стране с пробуждения памяти».

О.М. Здравомыслова, вице-президент «Клуба Раисы Максимовны Горбачевой», д. филос. наук, Горбачев-Фонд.

Сегодня мы проводим вторую в этом году встречу в рамках проекта «Клуб Раисы Максимовны Горбачевой». На первой встрече мы говорили [о возрождении российских традиций, которые развивают женщины, занимаясь благотворительностью в сфере культуры](#). Многие из присутствующих сегодня участвовали в этой дискуссии.

Тема сегодняшнего Круглого имеет три источника.

Во-первых, связующей нитью между сегодняшней и предыдущей темой явился вопрос о личном выборе, о возможностях и границах женской свободы - вопрос, который мы определили как ключевой для Круглого стола «Память женского рода».

Дело в том, что, говоря о прошлом и настоящем российской благотворительности, мы обращались к мотивам, которыми руководствуются женщины, ею занимающиеся. Выступавшие в дискуссии делали акцент на традиционном, христианском мотиве – стремлении творить добро, проявлять милосердие - подчеркивая, что это свойственно большинству благотворительниц. Одновременно называли и распространенную сейчас бизнес-мотивацию.

Однако нельзя не видеть еще одну мотивацию, на мой взгляд, очень важную, но гораздо реже упоминающуюся. Она состоит в том, что через

занятие благотворительностью осуществляется стремление женщин расширить рамки опыта повседневной жизни и повседневной деятельности. По сути, это самореализация и обретение субъектности, или, в терминологии современных социальных исследований, агенсу, что на русский язык переводится многозначно, но означает способность действовать самостоятельно, совершать свободный, осознанный выбор. С этой точки зрения, занятие благотворительностью – это женский опыт публичной деятельности и опыт свободы. Важно подчеркнуть, что речь идет о развивающейся культурной традиции России. Эта идея ясно прозвучала в нашей тогдашней дискуссии.

Второй источник нашей нынешней темы – опубликованный год назад сборник рассказов российских писательниц, который называется «Память женского рода». Мы рады видеть здесь составителей сборника и авторов двух рассказов: Светлану Василенко и Надежду Ажгихину – постоянного члена Клуба, коллегу и подругу. Они подробно расскажут о книге. Я прочитала ее и советую приобрести и внимательно ее прочесть. Эта книга – попытка создать художественный образ поколений российских женщин и рассказать столетнюю историю советской и постсоветской России сквозь призму женского опыта. Этот опыт свидетельствует, что у женщин всех поколений были очень непростые отношения со свободой и личным выбором – на этом пути женщинам далеко не всегда удавалось преодолеть ограничения и зачастую они были вынуждены отказываться от самореализации.

У Симоны де Бовуар в ее знаменитой книге «Второй пол» есть фраза: «У женщин нет прошлого, у них нет своей истории». Сборник «Память женского рода» – одна из попыток, которые предпринимаются не только в России (в России пока еще довольно редко), создать такую историю, рассказав ее устами женщин.

И здесь я хочу обратить ваше внимание на то, что само женское письмо, само умение выразить свой личный опыт в слове – это очень важный опыт свободы. Вспомнить, написать, рассказать свою историю публично – значит обрести новую степень свободы. Это, безусловно, созвучно одной из главных общественно значимых тем, заявленных во второй половине 80-х. Как мы знаем, перестройка началась с пробуждения памяти – или, как точно выразилась [итальянский историк Мария Ферретти на одном из Круглых столов в Горбачев-Фонде](#), перестройка началась «с осмысления прошлого и принятия на себя ответственности за него» .

Наконец, третий источник сегодняшней темы – личная история Раисы Максимовны Горбачевой. В этой истории выразилось извечное напряжение, борьба между стремлением осуществить себя, реализоваться и требованиями, ограничениями ситуации, в которую заключен любой человек – женщина и мужчина. Об этом свидетельствует не только биография Раисы Максимовны - женщины, оказавшейся у вершины власти, но и истории огромного числа женщин – наших предшественниц и современниц.

Нельзя не напомнить, что книга Раисы Горбачевой «Я надеюсь» - это опыт автобиографии внутри большой Истории, в которой Раиса Максимовна занимает уникальное место. Книга «Я надеюсь», была для нее очень важной. Из этой книги становится понятным то внимательное, заинтересованное отношение к женскому движению, которое отличало Раису Максимовну. Позже это стало стимулом создания ею в Горбачев-Фонде [общественного проекта - дискуссионного клуба](#).

Месяц назад, 20 сентября исполнилось 25 лет со дня ухода из жизни Раисы Максимовны Горбачевой. Это произошло в 1999 году, в канун перехода в третье тысячелетие, в новое время для России и мира.

Память об уходе – печальная память, несмотря на пролетевшие четверть века. Но случилось совпадение: сегодня, 22 октября, – день 16летия правнучки Раисы Максимовны, Александры, которая продолжает женскую

линию семьи Горбачевых в XXI веке. И в этом есть нечто символичное и обнадеживающее.

«Наши традиции - это участие женщин в жизни общества, борьба за улучшение положения женщин, объединявшая женщин и мужчин и ставшая знаменем многих десятилетий».

Н.И. Ажгихина, журналистка, писательница, директор ПЭН —
Москва.

Во-первых, я хотела бы поздравить нас с тем, что мы снова собрались здесь, в Клубе Раисы Максимовны. Вспоминаю, что в 1987м (или в 1988м) в ведущем итальянском журнале L'Espresso появилась статья итальянской журналистки, побывавшей тогда в России и впервые написавшей о диссертации Раисы Горбачевой. Автор статьи удивлялась, что никто не интересуется Раисой Максимовной Горбачевой как личностью и вообще никто не интересуется женской темой. Встречаясь с разными людьми, включая как самых известных деятелей перестройки, так и менее известных мужчин и женщин, итальянка обратила внимание, что в беседах с ними женская тема никогда не всплывала. Это поразило журналистку.

Через сорок лет, прошедших с тех пор, мы можем сказать, что женская тема звучит в России. Мне кажется, это хороший знак.

Вспоминаю, как когда-то здесь же, в Горбачев-Фонде, мы перебрались словами с Раисой Максимовной о том, что хотелось бы обсудить тему представленности женщин в общественной жизни. Это было во время дискуссии Клуба о журналистике. Раису Максимовну это всегда интересовало. Поэтому логично и правильно, что в Клубе продолжается обсуждение этой темы.

Я надеюсь, что сегодня мы сможем наметить сюжеты наших будущих встреч, связанных с темой женской социальной памяти. представленности женщин в общественной жизни и женской свободы.

Во время перестройки возрождалось российское женское движение. Это было колоссальным, совершенно неожиданным для многих явлением. Еще меньше ожидали тогда появление новой женской прозы. Это было тоже общественное движение, которое возникло в перестройку. Связь здесь очевидна. И, наверное, пришла пора поговорить об этом серьезно и, может быть, зафиксировать какие-то новые повороты в этом движении.

Наши традиции - это участие женщин в жизни общества, борьба за улучшение положения женщин, объединявшая женщин и мужчин и ставшая знаменем многих десятилетий. Несомненно, это движение вдохновлялось идеей женской свободы - о ней без малого два столетия писали наши выдающиеся предшественники, и сегодня эта тема звучит шире, она звучит по-новому. Об этом надо говорить именно в контексте нынешнего повышенного интереса к традициям в культуре.

Думаю, наш сегодняшний разговор вокруг литературы, естественен, потому что литература – это один из важнейших способов познания, понимания действительности и создания проектов будущего. И женский взгляд здесь абсолютно необходим.

В одном из своих давних интервью Светлана Алексиевич обратила внимание на то, что женщина помнит все иначе, чем мужчина - иначе помнит и войну, и эпохи перелома. В то время сама я об этом не задумывалась - но это действительно так.

Женская проза как и женское изобразительное искусство открывают новое, ранее не известное в истории и настоящем – они расширяют границы нашего знания и понимания.

Надеюсь, что наш разговор о литературе включит не только взгляд писательниц, но и взгляд исследователей – историков и социологов, политологов и литературных критиков.

«Записи, дневники женщин, позже частично преобразованные ими в статьи и книги - это уникальные памятники культуры, которые формируют взгляды современников и потомков».

Н. Б. Иванова, первый заместитель главного редактора журнала «Знамя», д. филолог. наук.

Разговор о женской памяти для меня, прежде всего, связан со знаковыми фигурами женщин 30-40-х годов. С Лидией Яковлевной Гинзбург, литературоведом, историком литературы, филологом. С Ольгой Михайловной Фрейденберг, филологом-классиком, антиковедом, организовавшей в Ленинградском университете первую советскую кафедру классической филологии, двоюродной сестрой Бориса Пастернака. С Лидией Корнеевной Чуковской, прозаиком и поэтом, мемуаристкой и литературным критиком, с Надеждой Яковлевной Мандельштам, писательницей, мемуаристкой, женой Осипа Мандельштама.

Эти личности очень важны для развития темы свободы, или внутренней свободы, которая всегда стремится превратиться во внешнюю свободу.

В работах этих женщин, в их дневниках, переписке, воспоминаниях память о пережитом – это, конечно, память травмы, которая не преодолевается письмом. Особенность дневников состоит в том, что дневники точнее, дневниковые записи были тайными.

Анна Андреевна Ахматова, прочитав свое стихотворение, сжигала в пепельнице бумажку, на которой оно было записано, а Лидия Корнеевна Чуковская должна была не только запомнить, но каким-то образом это отразить в тех записках, в тех трех томах, которые потом были изданы и потребовали огромного количества комментариев. Но в этих комментариях ни один из фактов, которые Лидия Чуковская сохранила в своей удивительной памяти, не был опровергнут.

Надежда Яковлевна Мандельштам, Лидия Корнеевна Чуковская, бывшие рядом с великими поэтами Осипом Мандельштамом и Анной Ахматовой, должны были удерживать в своей памяти и стихи, которые нельзя было не только напечатать, но даже записать, и одновременно все, что сопровождало это чтение - разговоры, события, чтобы донести их до нас.

Записи, которые делали эти женщины, прерывались в связи с событиями в стране и событиями в их личной жизни. Они прерывались, потому что, например, Лидия Чуковская в какой-то момент отошла от Анны Ахматовой – произошло своего рода охлаждение отношений. И за это время не было никаких свидетельств и дневников...

Как говорил Юрий Лотман, есть память культуры, память индивидуальная и есть память коллективная. Записи, дневники женщин, которые позже частично преобразовывались ими в статьи и книги, - это уникальные памятники культуры, которые формируют взгляды современников и потомков.

Очень трудно записывать прямую речь - фактически, это невозможно. Ахматовой принадлежат слова, что в мемуарах нельзя восстанавливать прямую речь, это всегда будет ложью, всегда будет неточно. Но если записано через полчаса, через час после беседы, то, конечно, этому можно верить. И, конечно, память о великом человеке, великом поэте, об исторических испытаниях формируется в большой мере благодаря дневникам, воспоминаниям, мемуарам и свидетельствам. Как в фильме Акиры Куросавы «Расемон», она представлена с разных сторон, с разных точек зрения.

Если говорить о времени Ахматовой и о самой Ахматовой, то можно включить воспоминания еще одной замечательной женщины, тоже литературоведа. Речь идет об исследовательнице творчества Лермонтова – Эмме Григорьевне Герштейн. В статье «Лишняя любовь», напечатанной в «Новом мире», примерно, в середине 90-х, Герштейн приводит переписку и воспоминания о Льве Николаевиче Гумилеве. Но одновременно это

воспоминания и письма Анны Андреевны Ахматовой к ее сыну, Льву Гумилеву, и его письма к ней.

Образы эпохи, которые создавали в своих записях женщины, о которых я говорю, сформировали наше понимание того времени. В этих записях, конечно же, важнейшая тема – культура. Но хочу особо выделить то, что рассказали женщины – философы и филологи, умнейшие люди своего времени - о трагедии Ленинградской блокады.

«Записки блокадного человека» Лидии Гинзбург, и «Пробег судьбы» Ольги Фрейденберг - потрясающий рассказ о пережитом тогда. Лидия Гинзбург и Ольга Фрейденберг жили в блокаду на одной и той же улице, их разделяли только четыреста метров. Они не были знакомы, но обе подробно записывали то, что открылось им в дни, недели, месяцы блокады. Эти записи отличает удивительная свобода отношения к телесному опыту выживания. Ни один мужчина, по-моему, не смог бы написать такого, что зафиксировали две эти женщины, замечательно владевшие словом. Обе они писали еще и о «теле» режима, об идеологических условиях того времени.

Память была осознана ими обеими как ценность – ценность свидетельства о бесчеловечности, о жизни «в темные времена», говоря словами Ханны Арендт.

В заключение, процитирую Ольгу Фрейденберг - отрывок из ее записей конца 40-х годов: «Ежовщина не прошла бесследно для оставшихся в живых. Она дала России страшное устрашение (такое двойное слово), тот ужас страха, который стал всеобщим двигателем. Она дала России полное моральное опустошение. С тех пор народ утратил веру в жизнь».

Само существование этих воспоминаний, исключительно важных для нас, требует продолжения традиций женской памяти, зафиксированной в культуре.

«Сборник рассказов «Память женского рода» – это часть хрестоматии по той истории, которая будет написана женщиной»

С.В. Василенко, писательница, первый секретарь Союза российских писателей автор и составитель сборника женской прозы «Память женского рода» .

Прежде всего, я хотела бы поблагодарить Фонд Горбачева и Клуб Раисы Максимовны Горбачевой за то, что такой серьезный разговор о женской памяти и женской прозе, женской литературе возник именно здесь.

Расскажу, с чего началась для меня книга «Память женского рода».

Я родилась в Астраханской области, в военном, ракетном городе Капустин Яр. Это город на горе. Рядом – старинное село, где еще Стенька Разин гулял, а до него было татаро-монгольское иго, рядом была столица Сарай так называемый. И эта смесь сверхсовременного города, старинного исторического села, лежащего рядом, и совершенно пустой степи. Отголоски тех дальних эпох всегда меня волновали. Детьми мы копали степь в поисках золотого коня какого-то хана, который якобы там его спрятал.

Я пережила в 1962-м году Карибский кризис как свой личный кризис, потому что нас, шестилетних детей, вывозили в степь в эту ночь, когда должна была начаться ядерная война. Мне всегда хотелось об этом написать. Потому что в эту ночь я пережила «арзамасский ужас», пережитый Львом Николаевичем Толстым в 40 лет и описанный им в "Записках сумасшедшего". А в 1962 году мы, дети, понимали, что с нами произойдет, что произойдет с Землей, что произойдет с миром. То есть мы побывали внутри Апокалипсиса. И об этом очень хотелось написать. Потому что это была не просто некая история, а лично произошедшее с тобой.

Я пыталась об этом написать, еще будучи школьницей, но меня вызвали в горком партии (даже не комсомола) и сказали: «Девочка, не пиши, потому что это секрет. Ты будешь писать о нашем городе, о том, как вас вывозили в степь. Об этом нельзя писать». Нельзя было писать о моей

соседке, которая была русской немкой. Нельзя было писать о ближайшем папином друге, который был крымским татаринoм. То есть все было засекречено. Даже отчима я спрашивала (он был ракетчиком): хоть расскажи о каких-то этапах. Он говорит: понимаешь, на 25 лет я давал подписку. Это все секретно. И очень трудно жить маленькой писательнице - потому что я с детства писала, - когда везде окружают секреты. А на самом деле это главное в жизни, что с тобой произошло.

Поэтому я все время носила в себе этот Карибский кризис и спрашивала у людей, останавливала и спрашивала: а ты помнишь Карибский кризис? – Большинство толком не могли рассказать. А для меня та ночь была ночью откровения жизни и смерти.

Однажды во время поездки в США меня запихнули в творческую резиденцию, где жили композиторы, художники, писатели, в основном американские. И одну девушку-поэтессу я спросила: Мэри, а ты помнишь Карибский кризис? Я поняла, что мы примерно одного возраста. Она говорит: помню. Я спросила: а как ты его помнишь? Она ответила: папа с нами попрощался насовсем. Позвонил по телефону и сказал, что сегодня начнется война, никто не выживет в этой войне. Мы сидели в бомбоубежище. У них было бомбоубежище при доме. У нас не было этого. Мы выкопали какую-то яму, хворостом покрыли. Это было наше бомбоубежище от ядерной войны.

Когда она это сказала, я вдруг поняла, что мой папа тоже с нами прощался. И что про это можно, в конце концов, написать. Началась перестройка. Поэтому у меня огромная благодарность к Горбачеву: стало можно рассказать. Я написала роман «Дурочка», потом книгу «Капустин Яр» - именно об этом секретном городе, который сейчас существует, и куда я часто езжу, потому что у меня там дом.

Когда мы встретились с Надеждой Ажгихиной, у нас уже были женские сборники - «Новые Амазонки», «Не помнящая зла», изданные в 90-

м и 91-м годах. Но всегда хотелось чего-то большего, не просто эмансипации женского писательского класса, а чего-то серьезного. Наш Союз писателей и тогдашний Союз журналистов нашли друг друга, мы сделали несколько женских конференций, посвященных именно женскому писательскому творчеству, и начали издавать серию книг. Например, тема детства – это «Девочка на шаре», «Письма из детства».

Нам казалось непонятным, почему детство мальчиков мы знаем во всех его секретах, а детство девочек мы абсолютно не знаем. Следующая книга, которую мы издали, - «Дочки-матери» про женские писательские династии.

Сборник «Новости женского рода» мы составили, когда был ковид, и нам хотелось говорить о чем-то жгуче современном.

Еще был русский женский «Декамерон». Мы хотели поговорить о женской телесности. Кстати, это не очень удалось. Потому что оказалось, что современные писательницы как-то боятся своего тела и мало его описывают. Какой-то, я бы сказала, средневековый уровень скромности, боязливости.

Наконец, пришло время книги «Память женского рода». Как она появилась? Я помню, что я прочитала рассказ Фаины Османовой о крымско-татарской истории. Она происходила в Казахстане, где осело очень много крымских татар, которые не вернулись в Крым. Фаина Османова – одна из этих людей. И она описывает свой опыт, не документальный, художественный. У нее есть героиня, которая переживает все эти перипетии. Она пишет о том, как девочка, - которая стала уже совсем современной - то ли казашка, то ли русская, то ли крымская татарка, не понятно, кто, просто современная деваха, - вдруг почувствовала воздух погрома. Она говорит: мне бабушка рассказывала, что она испытала какой-то запах тревоги, страха, чего-то такого ужасного, именно запах. На другой день их выселили, была депортация из Крыма.

И вдруг девочка в Казахстане чувствует этот запах. И начались погромы, тоже национальные, и плюс бизнес, дележки. Разгромили их кафе,

которое они тщательно создавали. Потом она пишет воспоминания этой бабушки о том, как их выселяли. Настолько запал мне этот рассказ, что я сказала Надежде Ажгихиной: нам надо собрать сборник таких воспоминаний. Уже появились к тому времени рассказы: одни писали о Великой Отечественной войне, другие – о гражданской войне, третьи – о коллективизации. Когда мы создавали свои сборники, часто оставались за бортом какие-то рассказы, которые не входили по теме в эти сборники.

Постепенно сложился новый сборник. Надежда Ажгихина включила в него рассказ о своей тетке, чрезвычайно интересный, - о том, как женщина 30-40-50-х годов участвует в партийной, профсоюзной жизни. Мы просто забыли этих женщин. А каждый из нас, если покопаться, вспомнит обязательно какую-нибудь свою историю про советских женщин, которые всегда были активны, всегда что-то создавали, организовывали... Потом Надежда поведала мне о том, как защищали Белый дом в 91-м году. Я сказала: Надя, надо об этом обязательно написать. Она написала рассказ «Август 1991». Мне кажется, он стал одним из главных рассказов этого сборника.

В сборник включили мой рассказ о Карибском кризисе - о чем я уже рассказывала. А молодая писательница Ирина Горюнова написала о своей бабушке, которая воевала, Рада Полищук – о еврейской трагедии в этой войне. Кто-то написал о дореволюционных событиях - тоже очень интересно.

Но были рассказы, против публикации которых выступил наш редактор Владимир Мисюк - он создает журнал «Паровоз», поэтический альманах. Мисюк вдруг не захотел печатать два рассказа. Это «Запах честной бедности» Лилии Газизовой и рассказ «Халупа» Людмилы Осокиной. Почему? Потому что это чисто женские рассказы. Я уже говорила о запахе погромов. А тут приходит девушка, устраивается на работу в детский дом и вдруг чувствует запах кислой капусты, щей. И понимает, что это запах бедности, что она всегда, наверное, будет жить в этом запахе.

Вспомните советское время, в нем было много запахов - какой-нибудь карболки, хлорки, очень неприятных запахов, особенно в каких-нибудь казенных заведениях. Этого описания нигде у мужчин- писателей я не находила, только у Лилии Газизовой нашла. Мне кажется, что можно не просто описать историческое время, как описывают, а еще описать запах времени. Это может только женщина почувствовать и написать.

Еще один рассказ - «Халупа». Это документальный рассказ. Муж Людмилы Осокиной - такой великолепный, культовый поэт Влодов. «Прошла зима, настало лето, спасибо партии за это» - это его строки. Это совершенно маргинальная фигура. Она описывает, как они родили ребенка, ходили в магазины и воровали продукты для этого ребенка. В общем, такой ужас от этого быта, в котором мы все жили в 70-е - 80-е годы. Но кто-то жил так, как написала Людмила Осокина. Эта тоже краска времени.

В свое время Светлана Алексиевич описала этапы истории: сначала это Великая Отечественная война - через женские рассказы., потом «Цинковые мальчики» - это Афганская война, которая тоже описывается женским голосом, и «Чернобыльская молитва». Мне кажется, что сборник «Память женского рода» – это часть хрестоматии по той истории, которая будет написана женщиной. Мы продолжаем этот разговор об истории, которая написана женщиной XX-го и начала XXI века.

«В моей книге о Хрущеве звучит женский голос. Это воспоминания женщин в семье и в основном, воспоминания Нины Петровны Хрущевой».

Н.Л. Хрущева, политолог, автор книги «Никита Хрущёв: Вождь вне системы» (2024 г.)

Моя героиня – Нина Петровна Хрущева – Кухарчук, жена, гражданская жена Никиты Сергеевича Хрущева и моя пробабушка. Известно, что после революции 1917 года, брак какое-то время считался пережитком прошлого.

Поэтому Никита Сергеевич и Нина Петровна никогда не поженились, как и очень многие люди того поколения.

Кстати, благодаря Раисе Максимовне Горбачевой Нина Петровна заинтересовала меня как политическая фигура. Раиса Максимовна была первой леди, которую мы помним как первую леди, и меня заинтересовала эта формула первых леди как демократического института. Потому что публичное присутствие фигуры первой леди показывает, что власть делима. В России же власть обычно неделима, - и вдруг она делится на главных представителей этого государства.

Я стала пристальнее вглядываться в Надежду Константиновну Крупскую и в Надежду Аллилуеву, и в мою прабабушку и т.д. Первая леди или жена первого человека в государстве представляет формулу той власти, которая в этот момент существует. У Крупской была роль, неравная Ленину, она, естественно, ему подчинялась, но тем не менее были надежды, что эту власть можно будет делить, и женщина может стать самостоятельной единицей. Самоубийство Надежды Аллилуевой в 1932 году показало формулу убийственной власти Сталина.

А Нина Петровна играла первую леди как домохозяйку, хотя таковой она не была. Как и у большинства женщин в России у Нины Петровны отсутствовал личный выбор. Хотя, когда они познакомились с Хрущевым, она была профессионально намного выше, чем он, ее зарплата была в три раза выше, чем у него. Она была партийной деятельницей, когда они познакомились, в 22-м году. То есть еще были надежды, что это повлияет на саму роль первой леди в СССР.

Но мы знаем, что Виктория Петровна Брежнева занималась домашним хозяйством, и ее почти никто никогда не видел на публике. Когда появилась Раиса Горбачева, вдруг стали признавать, что есть первая леди. Первая леди в этом смысле важна как формула власти.

В моей книге о Хрущеве звучит женский голос. Он звучит в той части, которая выделена курсивом. Это воспоминания женщин в семье и в основном, воспоминания Нины Петровны. Она оставила сто страниц воспоминаний - как бы изнанку политики. Я знаю, например, обстановку в доме на Набережной, где они короткое время жили, знаю обстановку в особняке на Ленинских горах, потому что они рассказывали. И моя тетя Рада (Хрущева – Аджубей) рассказывала: там все было белое, не было ковров, были бирки и т.д. То есть мужчина даже не обратит внимания на то, что там были бирки, не было картин. Всю эту изнанку мне рассказали, дали женщины.

В общем, взгляд Нины Петровны всегда «тонул» в мужской истории. Она рассказывала мне, но рассказывала о мужском мире. Она вспоминала, но вспоминала о мужском мире. Кстати, ее записки есть в книге Сергея Никитича Хрущева – сына Никиты Сергеевича. И они в самом конце одного из томов. Их никто никогда не читал. То есть все читают книгу Сергея Хрущева – книгу сына Хрущева, но никогда никто не читает ее записки. Разговоры с моей прабабушкой о мужском мире были с невероятно интересны (мой курсив в книге, практически, весь об этом), потому что она не столько рассказывала о политике - она ее не обсуждала, но она рассказывала эти истории. Но она политику еще все время опускала. И это очень важно.

Например, она рассказывала такую историю. Как вы знаете, Никита Сергеевич был человеком эмоциональным, если не сказать больше, В 60-м году, когда сбили американский разведывательный самолет и поймали шпиона Гэри Фрэнсиса Пауэрса, Хрущев, тем не менее, решил поехать в Париж - чтобы показать «кузькину мать», других посмотреть, себя показать и сказать, что с ним так обращаться невозможно. Естественно, встреча в верхах провалилась. Поскольку он хотел от Дуайта Эйзенхауэра объяснений, извинений, а американский президент не может кому-то еще что-то

объяснять и рассказывать. То есть этого не произошло. И Андрей Громыко (тогда министр иностранных дел), когда Хрущев говорил, что «нет, мы не будем с ними ничего подписывать», - поворачивается к Нине Петровне и говорит: Нина Петровна, ну, успокойте его, дайте ему хоть валерьянки что ли. На что она отвечает: Вы министр иностранных дел, Вы и давайте.

Все свои истории, эту страшную политику и даже политику Карибского кризиса она не только очеловечивала, она ее все время опускала. Она сокращала это расстояние между политикой и людьми.

Она думала, что сейчас, после Сталина, у них будет возможность высказаться. За каким-то обедом, где все сидели, все были, и был Молотов – тогда министр иностранных дел, она сказала: а что, если мы поедем с женской миссией мира? Если мы поедем – нам уж никто не откажет. И мы, все жены, тут и жена Климента Ефремовича Ворошилова и т.д., мы все поедем. Она мне рассказывала: ты представляешь, я это произнесла – мертвое молчание за столом. А Молотов даже жевать перестал.

Она не критиковала, она просто рассказывала это так, что сразу политика переставала быть. Она, наверное, была страшной, но она переставала быть страшной, она становилась человеческой. И становилось понятным, что эту страшную политику все равно делали люди. Например, перед Карибским кризисом, в 61-м году встретились Кеннеди и Хрущев в Вене. Но мы знаем многое о том, как они говорили. А в это время Жаклин Кеннеди и Нина Хрущева проводили замечательное время на каких-то показах моды. Если у мужчин была определенная конфронтация, когда ни тот, ни другой не хотел показать, что он слабак, то женщины прекрасно себя чувствовали вдвоем. И даже шутили, когда им показывали моды. Жаклин была очень элегантной женщиной, как мы знаем. И ей это было довольно скучно. Все-таки венская мода была не такой высокой, как французская в то время. Нина Петровна сказала: да, я понимаю, очень скучно вам, конечно. Потому что вы такая элегантная, а тут слегка буржуазная мода. И Жаклин

спрашивает: а вам интересно? Нина Петровна: ну, если я это на себя все надену, это же все на мне лопнет.

Такие истории, в общем, давали изнанку политики. И даже в какой-то момент, когда стало ясно, что встреча в Вене все-таки не принесла тех результатов, на которые надеялись, Нина Петровна сказала: если бы мы, женщины, правили миром, то мы бы обо всем договорились.

Кстати, о Карибском кризисе. В феврале 62-го года, что было совершенно беспрецедентно, Нина Петровна на Национальном радио в Соединенных Штатах произнесла речь по-английски. Она говорила по-английски, о чем, естественно, никто не знает. По-английски произнесла речь о том, что хорошо бы закончить ядерную гонку, о том, что вообще нужен мир. Что было совершенно невероятно. Ее все выслушали и сказали: да, какая замечательная первая леди в Советском Союзе. И когда начался Карибский кризис, Кеннеди очень долго не мог поверить, что Хрущев пошлет туда корабли с ракетами. И одна из причин, по которой он не мог в это поверить, - потому что его первая леди только что произнесла речь о том, как это вообще было бы плохо.

То есть роль этих женщин незаметна, но, как оказалось, очень важна. При этом у Нины Петровны Хрущевой отсутствовал не только личный выбор, но и личное ощущение свободы. Помню, как-то она мне рассказывала про Джейн Эйр (роман Шарлотты Бронте). Это была одна из любимых ее книг, которые она читала моей маме (Юлии Леонидовне Хрущевой) в детстве. Книга о тяжелой судьбе женщины в буржуазном мире. История Джейн Эйр была очень похожа на историю Нины Петровны. Она тоже училась в гимназии бесплатно, тоже получала прекрасные отметки, тоже стала потом воспитывать молодых девиц до того, как революция произошла. В буржуазном мире все, что вы делали, - говорила она, - было рассчитано на то, чтобы, в конце концов, получить мужа. А у нас в Советском Союзе это все совершенно не так.

На что я заметила: а ты разве не вышла замуж. Она сказала: это совершенно другая история. То есть это для нее была совершенно другая история, потому что отсутствие личного выбора для нее было ее выбором для государства. Потому что для государства она делала то, что она делала. Она очень переживала, когда после самоубийства Надежды Аллилуевой был негласный закон, негласное послание - разворот женщины от профессиональной жизни обратно в семью. И в 34-м году ей пришлось закончить работу, и она больше никогда не работала. Она говорила, что это была ее трагедия. То есть выбор на благо государства она воспринимала как личный выбор.

Моя книга о Хрущеве наполовину состоит из таких историй. Политические биографии в основном пишутся мужчинами. И когда они пишутся женщинами, там есть немножко другой взгляд – с одной стороны, менее оправдательный, а с другой стороны – менее осудительный. То есть он становится более человеческим и таким образом дает понять формулу жизни, в которой мы существуем не только с точки зрения политики государства, а с точки зрения еще человеческих отношений, желаний, эмоций.

О.М. Здравомыслова. Спасибо, Нина. Слушая вас, я подумала: есть сериалы о «кремлевских женах», но этого недостаточно даже для массовой культуры. Было бы замечательно издать отдельную книжку о вашей прабабушке. Потому что это особая судьба - она действительно открывает с неизвестной стороны нашу политическую историю и личную историю женщин, оказавшихся во власти, которая по сей день остается абсолютной «гендерной границей». Женщин за эту границу или не пускают, или пускают по очень узкому коридору.

Мы начали говорить о том, как представлена женская память в литературе. Но безусловно, эта тема раскрывается и в исследованиях, которые велись у нас начиная с конца 80- годов. Существуют проекты, в

которых эта тема изучается историками и социологами. Один из таких проектов, работающих много лет, - Устная история женщин. Руководит им Наталья Львовна Пушкарева, доктор исторических наук, которая работает в Институте этнографии и антропологии Российской академии наук. Мы с ней все время на связи, но она, к сожалению, сегодня не могла принять участие в нашем Круглом столе. К счастью, присутствует и выступит сотрудник проекта, историк Александр Жидченко.

«Воспоминания женщин мы рассматриваем сквозь призму советского времени, и тех установок, которые накладывали на повседневность государство, особенности брачно-семейных отношений, а также сохранявшийся патриархальный образ жизни».

А.В. Жидченко, кандидат исторических наук, Институт этнографии и антропологии РАН.

Большое спасибо за возможность участия в таком уникальном Круглом столе. Потому что в наше время тема женской социальной памяти особенно актуальна. В своих публикациях я стараюсь показать, в женской истории сегодня очень много пробелов. И эти пробелы во многом касаются и XX века. Если посмотреть на защищенные диссертации по женской истории и социальной памяти, то очень много о том, что раскрывается в XIX-XX веках - о женской социальной памяти в дворянском сословии и крестьянской женской социальной памяти. Но гораздо меньше о XX веке и советском периоде.

В начале своего выступления передаю всем собравшимся здесь привет от Натальи Львовны Пушкаревой. Добавлю, что в этом году мы выиграли грантовый проект Российского научного Фонда о женской социальной памяти как части социального оптимизма российской нации в XXI веке.

Исследования, которые провожу я и мои коллеги, связаны еще и с пониманием женской социальной памяти как передачи традиционных

ценностей российского общества. В фокусе моего исследования городская женская повседневность нового советского города – это послевоенные, уже более стабильные годы, когда восстановление хозяйства после Великой Отечественной войны завершилось, когда начали осваивать новые отрасли производства, стали строить новые советские города на пустом месте, в чистом поле. Например, город Салават, город Октябрьский в Башкирии, город Ангарск в Восточной Сибири, в Иркутской области. Это нефтяные центры, центры гидроэнергетики – например, Волжский как город-спутник Волгограда, основанный на рубеже 40-х – 50-х годов.

В эти новые города переезжали женщины - в основном переезжали из других промышленных центров, в которых они были выпускницами каких-то учебных заведений и по комсомольской путевке отправились на стройки пятилетки, в эти новые города. Были также женщины из сельской местности, из деревень, которые приезжали в новые города, чтобы создать семью, уехать подальше от родителей и начать новую жизнь. Это было поколение женщин, которые в 50-е годы, уже став самостоятельными, достигнув возраста совершеннолетия, делали свой жизненный выбор и, переезжая, начинали новый путь, оставались в этих городах, создавали семьи. Прожившие почти 70 лет в этих городах, они были моими респондентками. Именно у них я записал 80 неструктурированных автобиографических интервью о тех годах, которые они провели в новых городах, о том, с какими трудностями сталкивались, каков был их жизненный выбор, какой социальный путь они прошли.

Конечно же, женская социальная память была наполнена тем эмоционально чувственным контекстом, о котором сегодня много раз уже сказали. Действительно, в отличие от мужских воспоминаний женские воспоминания наполнены эмоциями, многогранностью, описанием деталей, которые в мужских воспоминаниях в основном не прослеживались.

Как правило, женские воспоминания были гораздо более информативными, чем мужские. Так, однажды в Совете ветеранов Омского городка нефтяников, где у меня было очень много респондентов и большое поле деятельности, нашелся респондент, из которого просто тискаами пришлось что-то вытащить: не помнит абсолютно ничего, рассказать не может ничего. И когда он ушел, председатель Совета ветеранов мне сказал: ну, что ты хотел, человек-шофер, всю жизнь за баранкой просидел, что он тебе тут может вспомнить... А когда пришла жена этого респондента, то у нее были невероятно ценные воспоминания о той жизни, о тех временах - о том, как воспитывали детей, как получили квартиру, как пережили несколько лет в бараке, прежде чем получить эту квартиру.

Потому что феномен нового советского города, который основывался на пустом месте, - это всегда бараки, палатки. Потому что городское пространство только формировалось: сначала бараки (временное жилье, потом коммунальные квартиры в первых капитальных домах - когда строились в стиле позднего сталинского ампира проспекты, Дома культуры - в середине. Это были проекты Ленгипрогора – Ленинградского института. Возникла другая форма повседневности - открывались какие-то магазины, проводились вечера в Домах культуры. То есть появились другие повседневные практики.

Затем возник другой тип повседневности : хрущевская оттепель, 60-е годы, когда жительницы новых городов становились счастливыми обладательницами отдельных квартир в новых домах по типовых проектах – в «хрущевках». И совершенно другие воспоминания...

Особенность понимания того времени состоит в том, что, как пишут социологи Е.А. Здравомыслова и А.А. Темкина, существовал «советский этакратический гендерный порядок». И, конечно, воспоминания женщин мы рассматриваем сквозь призму советского времени, советской действительности и тех установок, которые накладывали на повседневность

государство, особенности брачно-семейных отношений, а также сохранявшийся патриархальный образ жизни.

Последнее очень важно и особенно заметно в воспоминаниях женщин, которые переезжали из сельской местности в новые города к своим мужьям, которые приехали в них раньше в поисках работы. Государство, конечно, пыталось создать в этих городах другую модель повседневности – она описывалась на страницах журнала «Советская женщина», о ней говорилось в выступлениях и стенографических отчетах ЦК КПСС того периода, в «Моральном кодексе строителя коммунизма», который тоже появился в 60-е годы. О том же говорилось на совещаниях по градостроительству начала 60-х годов, где выступающие рассказывали о том, какими должны быть советские города... Предпринимались усилия для того, чтобы немножко облегчить, сделать другим тяжелый семейный быт и сделать женщин более свободными от него, расширить для них пространство свободы выбора и свободного времени.

Однако в реальной повседневной жизни эти изменения происходили очень медленно – под грузом социально-экономических проблем, особенно острых в новых городах – прежде всего связанных с потреблением, снабжением, дефицитом и т.д.

Обращает на себя внимание еще одна группа женских воспоминаний, которые я собираю с 2008-2010 годов и продолжаю собирать. Речь идет о воспоминаниях о времени перестройки, распада Советского Союза, 90-х годов, то есть периодов социально-экономических и общественно-политических потрясений, кризисов, переломов, трансформаций. Это время в женских воспоминаниях мы с Натальей Львовной Пушкаревой называем «совностальгией», или «ностальгией по советскому». Она проявляется в желании наших респонденток вернуть советское время с его социальными отношениями, с его скромным, «ламповым», бытом. В воспоминаниях

женщины описывают перемены, к которым они, как и все общество не были готовы и которые они переживали как ломку.

Существует очевидное отличие провинциальных воспоминаний от столичных. Если в столичных воспоминаниях, особенно в среде интеллигенции, время перестройки, «время перемен» ощущалось чаще как свобода, новые отношения, новые возможности, то в тех самых новых советских городах то же время переживалось как период кардинальных изменений не всегда к лучшему, как период, когда требовалось огромное напряжение от людей, не готовых платить за перемены столь дорогую цену.

В выборке новых советских городов 50-60-х годов были и рабочие города, которые я уже перечислил (Волжский, Ангарск, Салават), и города, которые назывались условно наукоградами. Это Новосибирский Академгородок, подмосковная Дубна – город физиков-ядерщиков, это даже Авиаград Жуковский, который в чистом виде не наукоград, потому что там силен был военный компонент, но все-таки тоже город интеллигенции, летчиков-испытателей, авиаконструкторов.

В памяти женщин из наукоградов сохранилось другое, по сравнению с памятью жительниц рабочих городов, отношение к социальным трансформациям конца 80-х – начала 90-х годов. Для жительниц наукоградов это было время, когда, с одной стороны, для них закончились советские повседневные стратегии жизни, которые тоже зачастую вызывали у них волну ностальгии. С другой стороны, хотя в наукоградах очень сильно чувствовался экономический кризис 90-х, поскольку финансирование и снабжение сильно изменилось, женщины выделяли значение происходивших культурных перемен и подчеркивали, что то время перемен не исчерпывается обрушившимися на людей экономическими трудностями.

О.М. Здравомыслова. Александр Жидченко затронул в своем выступлении тему воспоминаний сельских женщин. Это особенно важно

еще и потому, что деревенские, сельские женщины относительно редко по сравнению с городскими попадают в фокус исследований. Миры их повседневности зачастую остаются скрытыми. Проникнуть в эти миры позволяет монография Лоры Олсон и Светланы Адоньевой «Традиция, трансгрессия, компромисс. Миры русской деревенской женщины», опубликованная в издательстве НЛО в 2021 году. Светлана будет выступать онлайн, передаю ей слово.

«Говоря о сельском населении советской России и постсоветской России, мы постепенно заполняем лауну в исследованиях, в которых сформировалась традиция – смотреть на явления культуры как на нечто неподвижное, давно сложившееся и удерживаемое в виде канона».

С.Б. Адоньева, доктор филологических наук, антрополог, директор автономной некоммерческой организации «Пропповский Центр: гуманитарные исследования в области традиционной культуры».

На протяжении более чем 35 лет мы занимаемся полевыми исследованиями на российском Северо-Западе, преимущественно в Архангельской, Вологодской областях и на сопредельных территориях.

Говоря о сельском населении советской России и постсоветской России, мы постепенно заполняем лауну в исследованиях, в которых сформировалась традиция – смотреть на явления культуры как на нечто неподвижное, давно сложившееся и удерживаемое в виде канона.

В какой-то момент мы изменили исследовательскую оптику – это дало книгу «Традиция, трансгрессия, компромисс. Миры русской деревенской женщины». Мы написали ее вместе с американской коллегой Лорой Олсон. Наша идея состояла в том, чтобы разобрать по поколениям все наши многочисленные записи о быте, жизни, браке, смерти, родах, телесном опыте и т.д.. Наш способ записей - это очень большое количество интервью - позволял распределить материал интервью по поколенческим образам. И

тогда вдруг обнаружилось, каким образом меняется опыт поколений, что следующее поколение (например послевоенное), берет из предыдущего, а что не берет. И что категорически умалчивается предыдущим поколением, но вдруг, через два поколения, начинает активно проговариваться. Например, травмы раскулачивания и разрушения крестьянского жизненного порядка находились под жесточайшим контролем молчания, буквально до последних пятнадцати лет. Но в следующем поколении – поколении, рожденном в конце 50-х и позже, - вдруг повернулся «ключик», и стал поступать тот опыт, который рассказывали бабушки, но про который не знали матери...

В результате выстроилась определенная глубина рассмотрения тех или иных историй, связанная с тем, кто свидетельствует об опыте, и о каком опыте идет речь – о собственном, своей матери или бабушки. Таким образом, поменяв оптику, мы увидели кое-что новое. Отчасти это отражено в той книге, о которой шла речь. Но мои коллеги продолжают работать дальше.

Я хотела бы упомянуть несколько исследований, которые сейчас ведутся: материалы собирались и собираются по сегодняшнее время, то есть в этом году. Как обычно, было полевое исследование, которое двигалось по тем вопросам, которые нами были намечены. Назову несколько работ, потому что они напрямую связаны с категорией памяти и категорией выбора.

Небольшое отступление: когда я прочитала анонс Круглого стола, то поняла, что у меня есть некоторый когнитивный крючок, некая сложность. Потому что, находясь вполне в русле феноменологической традиции и следуя феноменологической социологии Альфреда Шюца, мы категорически различаем в речи наших информантов мотивы «для того, чтобы» и мотивы «потому что». То есть рассказы о прошлом, которые объясняют это прошлое, - это «потому что» мотивы. И есть такого рода рассказы и о прошлом, и о будущем, которые задают рамку возможного – тогда это «для того, чтобы» мотивы.

Эти разные повороты не позволяют, в общем, их склеить. Назову работы, которые я сейчас читаю как научный редактор. Мне кажется, они очень интересны. Первая – это исследование традиций причитаний, которые сейчас снова появляются. То есть женщины стали оплакивать своих мертвых. И это женщины моего поколения, которые стали это делать, хотя несколько поколений до того этого не делали. Каким-то сложным образом они вспоминают этот навык. Мы записываем, в том числе, видео, и можно посмотреть, как это происходит. Оказалось, что то, что нам удалось увидеть в причитаниях, которые, казалось бы, пропали, - совершенно не про прошлое, а про будущее. В причитаниях рассказывается о том, каким образом дальше будут переживать те, кто сейчас переживает это событие. Сейчас это большое исследование разворачивается.

Второе исследование, которое я хотела назвать, - работа, посвященная певческим практикам советских женщин, участию в хорах, домашнему пению, личному пению и т.д. И точно так же, когда мы стали смотреть по поколениям, то обнаружили много всяких удивительных фокусов, - как связанных с социальной реализацией в советское время и социальным лифтом, который немного где работал, но в этой сфере работал, так и с реконструкцией, условно, классического фольклора, который всегда существовал, но на протяжении советского времени провоцировался государством. То есть со сцены пели одно, а для себя пели (и поют) нечто другое. Как только мы разложили такого рода материал на публичное и приватное, то тоже стали открываться удивительные перспективы.

Третья работа, которую я назову, называется «Женское добро». Женское добро – это способ удерживания памяти через вещи. Это бесконечные комоды и шкафы, где складываются предметы, платки, полотенца и постельное белье, доставшиеся от бабушки или купленные, или наоборот. Если сундук лишился какого-то ценного предмета, то тогда возникают истории.

Соответственно, нарративная память и вещественная память находятся в сложном переплетении. Через такого рода практику, как выяснилось, - и это очень удивительно, - женщины выстраивают дальнейшие отношения. То есть они передают предметы своим невесткам и дочкам, которые должны передать их дальше. Таким образом, бесконечные сундуки, которые мы видим, которые мы фотографируем, в том числе стали способом записывать истории. Эти истории передаются. А, например, в случае, когда вещь исчезает, передается нарратив.

Перечисленные мной исследования делаются на деревенском, сельском материале.

О.М. Здравомыслова. Светлана Борисовна, вы нас заинтриговали. Поэтому, наверное, нам захочется когда-нибудь узнать про эти исследования более подробно. Через них проявляет себя скрытая сторона культуры.

С.Б. Адоньева. Она очень интересна. Тем более, что мы понимаем динамику изменения состава населения. В 1925 году крестьянство составляло 80 процентов населения нашей России, и сейчас сельская Россия составляет приблизительно около 30 процентов населения. Но это вовсе не значит, что те, кто проживает в городах, не наследуют практики, о которых я рассказывала - например, практики чемоданов, в которых хранятся белье и полотенца.

В общем, тут есть о чем поговорить.

О.М. Здравомыслова. Это целое отдельное направление для исследований и размышлений. Спасибо большое, Светлана Борисовна.

Мы исчерпали то, что касалось заранее подготовленных выступлений. У нас осталось время для дискуссии.

«Женский рассказ – это рассказ, прежде всего, о сложных эмоциях, которые далеко не всегда находят вербальное выражение».

Е.Ю. Рождественская, доктор социологических наук, профессор НИУ Высшая школа экономики.

Прежде всего, большое спасибо за приглашение. Я счастлива, когда могу слышать коллег из совершенно разных междисциплинарных областей. Это обогащает, развивает социологическое и какое бы то ни было научное воображение. Поэтому я хотела бы откликнуться на некоторые идеи, которые здесь прозвучали, и даже на цитаты тех авторов, которые упоминались.

Назову Ирину Сандомирскую, ее книгу под названием «Past discontinuous» - «Незавершаемое прошлое», в которой она цитирует (и это как матрешка: смысл, и вложенный один в другой) замечательного автора, очень знакового для нашей темы о языке - Михаила Бахтина о том, что язык создает миры, скажем так, через обговариваемость. То есть, обговаривая мир, мы обживаем его в итоге. И, соответственно, мы живем именно в том мире, для которого мы нашли определенные слова.

И здесь интересная игра слов. С одной стороны, мы обговорили в смысле проговорили, нашли язык, а с другой стороны, мы договорились, и мы живем теперь в этом мире по уговору, по некоему социальному договору. То есть это, безусловно, про мир мужчин и женщин. И это про мир тех событий, которые мы очень по-разному проживаем.

Мне как социологу ближе эта сторона вопроса. Потому что за языком стоит повседневность, в которую мы опрокинуты. Мужчины проживают одну повседневность, женщины – другую повседневность. Даже если она экстраординарная, как ситуация травмы, войны, репрессий. Или нормальная – ходить на работу, рожать детей, стирать белье, либо быть кормильцем, приносить зарплату домой.

И поэтому понятно, что, погружаясь в эти разные повседневности, мы находим разный смысл для разговора. Ведь предложить рассказать о своей жизни – это значит сфокусироваться на каком-то событии. Так мы же по-разному в эти события-то и включены! Мужчина, который не мог вообще найти слова для того, чтобы, крутя баранку всю свою сознательную жизнь, что-то о ней рассказать. А чего рассказывать? Деньги приношу, больше событий нет. А женщина – боже мой!: и сварила, и сбегала за ребенком в детский сад, и с соседкой поговорила, и о болезнях обсудила с теми же соседками и т.д. Много чего найдется. И язык богаче, и сама повседневность фрагментарнее, детализованнее, она более насыщена эмоциями. И в этой жизни многое что можно рассказать, но кому принести этот рассказ?

В этом смысле другая ступень языка – это дискурс, это публичная речь. Будет ли признан этот язык этих женских историй, «память женского рода» на языке общества? Кому интересно про стирку, про перипетии с соседками и т.д. И мы молчим. И эта история замолкает, либо она производит некий внутренний дискурс – между женщинами, между собой. И, по сути дела, и не столько в языке, а через сенсорную память – память движения, память ритуала, песни, сундука.

Анн Шутценбергер – очень известный автор клинической социологии, истории о наследстве – пишет о таких сундуках, об этих скелетах в шкафу, в сундуках с историями, с вещами – про каждую можно рассказать. Один из известнейших авторов в 20-30-е годы Третьяков – тоже и формалист, и экспериментатор с языком – написал замечательную вещь, сегодня звучащую инновационно. Это социология вещей. Давайте расскажем историю метрополитена, но не через только людей, а через то, как люди взаимодействуют с вещами. Это, можно сказать, современная социология вещей и технологий.

Этот разговор о том, что мы помним, и как мы передаем память о том, что для нас важно, потому что память, безусловно, отфильтрует всю ерунду и

выкинет на свалку истории. Что важно помнить? Мартина Бургос нам подсказывает: чтобы состоялся рассказ – автобиографический или биографический, - он должен донести некое событие как некое отклонение от нормы. (*Бургос Мартина. История жизни. Рассказывание и поиск себя // Вопросы социологии. - 1992. - № 2*) То есть проходит жизнь изо дня в день, изо дня в день банальность, рутина, и вдруг что-то возникает. Как мы это переработали, какое это имело для нас значение, как мы стали другими, пережив это событие и, соответственно, изменившись - вот что имеет смысл рассказывать и передавать дальше. Потому что это урок жизни. Потому что этим уроком стоит поделиться со следующим поколением. Потому что зачем иначе рассказывать истории, кроме как не научить других выживать и выживать, сохраняя историю и передавая дальше.

Так вьются эти нити Ариадны: с одной стороны, через мужские сообщества, а с другой стороны, через женские кухонные и прочие разговоры. Потому что женский рассказ – это рассказ прежде всего о сложных эмоциях, которые далеко не всегда находят вербальное выражение. Поэтому так много в этом женском переживании аффективного. С этой структурой социологи работают очень аккуратно, потому что это междисциплинарное поле. Мы вместе с психологами, что называется, его наследуем. А аффекты предшествуют эмоциям как социально означенным вещам. То есть на уровне аффекта мы вообще даже не понимаем, почему это нас тревожит и что с этим делать.

По сути дела, опыт травм – это аффективный, сложный опыт. И если общество позаботилось, если общество выработало культурный нарратив в котором розданы все оценки, где наказаны хотя бы символически все те, которые виновны, где жертвам воздано, и они могут, соответственно, успокоиться - в таком культурном нарративе мы себя можем найти, и место аффектам будет найдено. Потому что они уже переработаются этой машиной культурного нарратива в социально означенные эмоции.

Но если у нас не сложился такой объединяющий культурный нарратив, то многие опыты остаются в туне, как и очень многие мемуары, даже написанные привилегированными, обладающими культурным капиталом и языком дискурсивного отражения пережитого людьми. Если такие литераторши, поэтессы, писательницы и деятельницы, если даже они и могут об этом рассказать в своих мемуарах, то, как мы видим, далеко не всегда они находят себе место в культурном нарративе. И тогда память женская распадается на рассказ о том, как нас вывозили в степь и выкидывали в голую степь, встречая лица недоуменных казахов: что вы тут делаете? Либо это будет рассказ о жене известного политического деятеля и т.д. То есть это будет разнородная и вместе не встречающаяся женская память. А наша задача – их объединить.

О.М. Здравомыслова. Возник вопрос: ведь памяти разные, все равно они разные. Что значит – их объединить?

Е.Ю. Рождественская. Хороший вопрос. Мы опять выходим на классический социологический вопрос - вопрос социального неравенства. И наша задача – найти тот язык, который, во-первых, как платформа даст возможность выражения разным группам. Надо дать тем, кто языком не обладает, возможность выразить хотя бы за них. Это первая задача. Поэтому что проект по устной истории, в том числе наш проект про гастарбайтеров - о женщинах и мужчинах, которые были угнаны в Германию на принудительный труд и вернулись, а их накрыла стигма работы на врага. И они молчали, разрывая собственную жизнь и рассказ о ней. То есть говорить об этом было совершенно не комильфо. Можно было потерять вообще очень многое из того, что хотя было доступно советскому человеку.

Поэтому, подобные исследования дают возможность людям высказаться в режиме биографического нарративного, глубинного интервью

- они обретают голос, они рассказывают о пережитом и связывают куски жизни – жизнь до войны, во время события и спустя многие-многие годы. И в итоге, жизнь приобретает целостность в этой возможности ретранслировать свое пережитое, свой опыт.

На самом деле мы дарим людям целостность. Но это касается какой-то определенной, маленькой социальной группы женщин с очень специфическим жизненным опытом. И, соответственно, это касается и многих-многих-многих других. Соответственно, инфраструктура дискурса – это издания, это журналы, это Интернет-страницы и прочее, прочее, где можно в архивах, онлайн-архивах или оффлайн-архивах собрать на какой-то платформе самые разнообразные дискурсы женского опыта и письма о нем. И, соответственно, предъявлять его обществу в самых разных форматах. То есть, по сути дела, это масштабнейшая культуртрегерская работа.

О.М. Здравомыслова. Нет сомнения в том, что это очень важная культуртрегерская работа. Хотела бы только зафиксировать один момент. Я подумала о времени перестройки: когда в публичном пространстве появились разные памяти о событиях, произошел своего рода культурно-психологический взрыв. И общество этого не смогло пережить. То, что произошло потом с нашим обществом, во многом связано с тем взрывом и его последствиями.

Это нисколько не снижает ценности исследований, о которых говорила Елена. Но я обращаю внимание на социально - политический аспект этих исследований. На то, что работа с памятью, в общем, еще и довольно опасна.

Н.И. Ажгихина. Вспоминаю журнал «Огонек», который регулярно печатал материалы о сталинской эпохе. Это сделало «Огонек» востребованным и популярным. На его страницах печатались не только забытые или запрещенные прежде тексты, но и воспоминания людей,

переживших то время. Было лавина публикаций и в течение нескольких лет они составляли основной массив текстов «Огонька».

К середине 90-х годов, когда уже сменилось руководство журнала, но не менялся его формат журнала, оказалось, что устали писать про Сталина, устали читать про Сталина и потребовалось что-то другое. Не пережитое, не переосмысленное, но глубоко травматическое воспоминание не вылилось в общественный вердикт. Этого не произошло, от этого отгородились... В результате процесс проработки обществом культурной травмы остался незавершенным.

То, о чем говорила Елена Рождественская, действительно интересно. Но речь идет еще о роли общественных институций – о том, что никто не узнает воспоминаний, если они не опубликованы. Наталья Иванова подчеркнула, что, если воспоминания женщин о пережитой ими эпохе не становятся предметом исследования, не возникает публичного разговора.

Но есть многие воспоминания, которые еще не напечатаны - они лежат «в сундуке» Сундук – это в данном случае точная метафора. «Открыть сундук» означает дать возможность познакомиться с наследием женщин-писательниц, женщин-историков, женщин-ученых и заинтересовать читателей.

У меня есть конкретное предложение. У нас есть сайт, который называется «Новые Амазонки» и посвящен женскому писательскому творчеству. Я думаю, что было бы правильно расширять эти платформы, наполнять их новым содержанием, новыми именами.

Реплика. И, например, провести исследование - сравнение этих текстов с публикациями, например, таких советских журналов, как «Советская женщина», «Крестьянка» и «Работница». Здесь есть, что обсудить.

«Жизненный опыт женщины иначе проливает свет на человеческую историю».

К.Е. Коцугулова (Сагиева). журналистка, кино-документалистка, автор фильма «Горбачева. Первая леди СССР» (2023 г.).

Спасибо, что пригласили меня выступить. И спасибо всем, кто уже сегодня выступил. Каждое из прозвучавших выступлений – отдельная тема для статьи или фильма. Конечно же, я уже думаю о том, как было бы здорово снять фильме о Нине Петровне – жене Никиты Сергеевича Хрущева. Я человек с территории масс-медиа, поэтому у меня сразу возникают такие предложения: фильм, выставка или подкаст, или статья.

Сегодня говорилось о женской истории памяти и о том, как жизненный опыт женщины иначе проливает свет на человеческую историю. Это важнейший тренд в культуре, который охватывает как минимум половину Земного шара. Он подхвачен Голливудом, и например, сериал «Большая маленькая ложь», и вообще феномен писательницы Лианы Мориарти, по роману которой создан этот сериал, – именно о том, что есть «маленький мир». Это мир детей, мир песочницы, мир женщины, которая заботится о своих детях. О том, каким образом ее опыт - опыт матери, жены, женщины, которая где-то на кухне, проецируется на проблемы «большого мира» . И о том, что детские обиды, детские проблемы с точностью отражают проблемы взрослого мира.

С такой позиции истории еще не были рассказаны. А так как массовая культура переживает кризис и не знает, чем еще можно удивить зрителя, оказывается, что женский взгляд – это глоток свежего воздуха для киноиндустрии.

В то же время я вижу, как сложно те же проблемы воспринимаются в России. Слово «феминизм» вызывает сейчас аллергию у многих. А слово «амазонка» вызывает ассоциации с представлениями о воинственности, агрессивности, которые порицаются в женщине и которые зачастую

отождествляются с ее стремлением состояться в этом мире, с ее борьбой за самореализацию в семье, в профессии, в общественной жизни. И, естественно, в обществе возникает сильное напряжение в отношении самой темы - истории женщин и «памяти женского рода».

О.М. Здравомыслова. Когершын, вы коснулись важной темы - женской памяти, повседневной жизни женщин выраженной средствами кино. Действительно, на наших глазах, женщины-режиссеры приобретают все большее значение в кинематографе, а фильмы, созданные ими несколько десятилетий назад переоцениваются. Например, фильм со сложным названием «Жанна Дильман, набережная Коммерции 23, Брюссель 1080», поставленный бельгийским режиссером Шанталь Акерман, в 1975 году, недавно был назван кинокритиками лучшим фильмом XX века. Это история из жизни женщины, показывающая через ее повседневный быт, движение к трагической развязке.

К.Е. Коцугулова (Сагиева). Когда массовая культура начинает работать с такими темами, разворачивая их в компьютере, на киноэкране, экране телефона, это, конечно же, оказывает огромное воздействие. Я вижу, что кинематограф невероятно заинтересован в этом взгляде.

А.К. Чапанов, кандидат исторических наук, РГГУ. Я хотел задать вопрос. У меня, наверное, вопрос нестандартный. Я не читал современную женскую прозу. И мой вопрос адресован к «Амазонкам», скорее всего к Светлане Владимировне Василенко. Когда Вы рассказывали, у меня сложилось впечатление, что в этой прозе есть только механическое описание: голоса, запахи, звуки, тела, а нет каких-то высоких идей. В связи с этим у меня вопрос: не говорит ли эта проза только об обыденности? Есть в ней высокие идеи? Это первый вопрос.

И второй вопрос. В классических произведениях XIX – начала XX веков часто женщины становятся героинями, но о женщинах писали

мужчины. А бывает ли в женской прозе так, что мужчина становится героем, что женщина описывает мужчину?

И третий вопрос, очень интересный и важный для меня. Почему вы выбрали такое название «Новые Амазонки»?

С.В. Василенко. Первый вопрос. Мы задумали эту серию как постепенные шаги к наполнению темы. Я с вами согласна, что таких высоких идей, как у Достоевского, Толстого пока в женской прозе мы не находим. И, скажем, одна из наших писательниц Татьяна Набатникова даже прекратила писать. Я ее спросила: почему ты не пишешь, ты же писала так здорово? Продолжай писать.... Она говорит: нет, я стала переводчицей современной немецкой литературы, перевела несколько романов и поняла, что уровень другой, а мы тут как бы копаемся в песочнице пока.

Это может быть так. Но этими шагами от одного сборника в другой я вижу, как духовный уровень наших же авторов (потому что у нас авторы повторяются) растет, они идут, как будто мы их ведем пока что. Но в какой-то момент, видимо, это количество перейдет, может быть, в качество, так я думаю.

Недавно умерла сестра нашей коллеги Рады Полищук - Вика Полищук. Остался ее дневник. Этот дневник вдруг явил совершенно новый уровень прозы, европейский уровень. Потому что она не пыталась на кого-то быть похожей. Она в дневнике была самой собой. Она закончила МГУ, филологический факультет. И она пыталась рассказать самой себе о самой же себе: почему не состоялась личная жизнь, почему не стала тем, кем мечтала стать. И она, отвечая на эти вопросы самой себе, во-первых, выработала совершенно новый стиль и подняла планку художественного письма. Пока уровень прозы Вики Полищук – один из самых мною выделяемых.

Н.И. Ажгихина. Добавлю о том, что касается «Новых Амазонок». Это было название группы молодых писательниц, которая возникла в конце 80-х годов Я познакомилась с ними уже позже.

Они издали манифест. Для меня было совершенно понятно, что они совершают творческий акт агрессивного вторжения в литературную среду, очень недружественную этим женщинам, которые решили создать группу и развиваться как писательницы. Этой задаче вполне отвечает метафорическая фигура амазонки.

Н.Б. Иванова. Я еще добавлю немножко. Дело в том, что литература, написанная женщинами в нашей стране, далеко уходит за пределы этого сборника, очень далеко. Есть еще другие прекрасные женщины-писательницы. Уже называли Светлану Алексиевич, назовем Людмилу Улицкую, назовем Петрушевскую, Татьяну Толстую, Майю Кучерскую, Марину Вишневецкую. Я могу называть целый ряд писательниц, которые необязательно есть в этом сборнике.

Женский взгляд я понимаю, но женская проза, мужская проза – для меня это все-таки непонятно. Я никогда об этом не задумывалась: у меня женский взгляд на Трифонова или Искандера, или у меня мужской взгляд на них, или у меня просто взгляд литературного критика, литератора. И сколько я ни езжу, сколько я ни выступаю, мне никто по этому поводу ни звука не сказал. Только те, которых я раздраковывала, говорили слово «критикесса», чтобы меня обидеть.

Теперь мы живем во время, когда мы начали употреблять суффиксы, феминитивы: редакторка, инженерка и т.д., и т.п. Что-то входит в нашу речь, что-то не входит. Но надо смотреть на все шире. Потому что такие поэтессы, как Марина Цветаева и Анна Ахматова сломали стереотип: женская поэзия – неженская поэзия.

То, что сделали мои коллеги с «Новыми Амазонками», - это была ситуация, когда они проломили возможность печататься. «Ребята, давайте сообщаем», - как сказано в одной из повестей Трифонова. Как-то проломить ситуацию непечатания. То же самое делали на десять лет раньше мужчины - писатели, которые были обозначены как сорокалетние. Сегодня им за восемьдесят. Туда входили Маканин, Киреев, Афанасьев. Там много было. Горланом-главарем был критик Владимир Бондаренко, который потом стал правой рукой Проханова. Проханов тоже, кстати, входил в эту группу.

Поэтому надо различать, надо читать сборник как сборник, надо смотреть на группу как на группу, надо смотреть, что у них есть. У женщин-писательниц из этой группы есть качества, по которым они чувствуют и подбирают «своих». Но как редактор журнала «Знамя», скажу, что, когда мы отбираем публикации, мы совершенно не смотрим на пол. Мы смотрим только на одно – на качество письма. Если качество годится - мы берем. Совершенно все равно: сколько лет, какой пол, хоть десятый пол. Главное – как это написано.

А.К. Чапанов. Спасибо. А можно назвать «Новых Амазонок» направлением в литературе? Являются ли мужчины героями в современной женской прозе?

Н.Б. Иванова. В современной прозе, если говорить о тех, кого я упомянула, скажем, у Петрушевской, Толстой, конечно, есть. Почитайте рассказы Толстой. Лучшее, что она написала, - это ее рассказы, которые были напечатаны в конце 80-х. Они вошли в книгу «На золотом крыльце сидели». И там есть такой рассказ «Петерс». Почитайте. У Людмилы Петрушевской, конечно же, много того, что написано от лица героини-женщины, но у нее есть и рассказы, и повести, написанные тоже от лица мужчины.

Поэтому это непринципиально. «Казус Кукоцкого» - самое яркое произведение. Это не предел, собственно говоря. Пол – это не наш потолок

как у мужчин, так и у женщин. То, что женщина была в загоне (это то, что нас всех объединяет, всех, кто выступал сегодня), - это, конечно, очень несправедливо, неточно. Я в своем выступлении пыталась обратить внимание на то, что интеллект, моральная позиция, отсутствие компромиссов и т.д. выделяли как раз совершенно гениальных женщин, которых, тем не менее, все время как бы отодвигали.

Эта проблема и в литературе тоже существует. Они очень хорошие, но им поставили тогда стеклянный потолок. Было очень трудно – вхождение в литературу, а они это преодолели, сделали свою группу. И это очень хорошо.

Поэтому говорить: какая группа хорошая, какая плохая – я не берусь. Слава Богу, что она о себе заявила, она существует – это самое важное. Если бы она не заявила о себе, их бы просто не было, а они есть. Причем каждая из них гораздо больше, чем эта группа. Каждая из них – индивидуальность.

«Тема женской памяти только-только получает свое звучание и развитие. И конца не видно».

Л.А. Штылева, активистка женского движения, исследовательница, педагог.

Я сюда шла с желанием замолвить слово о том, что важно показать женскую память о перестройке. Потому что я одна из активных участниц российского и регионального женского движения. И сейчас моя дочь в той же лаборатории, от которой выступал Александр Жидченко, готовит кандидатскую диссертацию о повседневности женщин-активисток. Потому что женщин много. Все мы разные. Но есть такая штука, как направленность. Ты направлен на себя, на свое спасение, на свое личное благополучие, на заботу о своей семье, о своих близких, или тебя волнует более широкий круг вопросов. И эта особая категория женщин – женщин-активисток, с моей точки зрения, их память никак не представлена. Хотя сегодня говорили о выдающихся женщинах, в том числе о Раисе Максимовне Горбачевой, Нине

Петровне Хрущевой (Кухарчук), каждая из которых заслуживает того, чтобы их точка зрения, их память нашли свое отражение и сохранение.

Это была моя идея. И я даже прихватила с собой ту книгу, которую мы сами написали сразу по горячим следам о своей деятельности. Потому что мы, вернее, я, честно признаюсь, когда ввязались во все это дело, то есть таким социальным взрывом в условиях перестройки, поскольку мы тоже ее так воспринимали, как воспринимали, и мы совершенно не знали, что делать, как поступать, как организовывать эту самую женскую активность.

Нас познакомили женщины-ученые с историей литературы, историческими памятниками первой волны женского движения в России. Мне попала тоненькая брошюрка, в которой был описан Первый съезд женщин и восприятие этого съезда, этих действий одной из активисток. И я тогда подумала, что от них осталось вот это. И я это сейчас читаю и узнаю очень многое из того, с чем мы сталкиваемся, что переживаем.

То есть их мучили те же самые проблемы. Да, немножко другой контекст. Или совсем другой контекст – конец XIX – начала XX веков. Мы в середине, в конце XX века, у нас тоже сложный социальный перелом. Мы тоже чувствуем, что мы находимся не в той позиции, в которой могли бы быть. А делать-то что? А они делали вот это. И там восприятие передано активисткой женского движения, как она это делала.

Чтение этой брошюрки натолкнуло меня на мысль, что очень важно это зафиксировать и оставить эту память. Потому что иначе мы все уйдем, ничего не останется, и следующим опять начинать по-новому. В этом я вижу смысл того, о чем мы сегодня говорим, - о женской памяти. То есть одно и то же время, одну и ту же ситуацию мы воспринимаем по-разному. И мы, в том числе социально активные женщины. У нас был такой взгляд. В том числе мы видели не только ужас той ситуации, в которой мы оказались, - развал страны и всего, что было понятно нам, дорого, со всем нашим негативным отношением к дефицитам, трудностями бытовым и т.д. Но, тем не менее, мы

видели, что так себя вести нельзя. Нельзя крушить страну. А делать-то что? Действовать-то как? Что этот кризис не последний. И те, кто будет за нами, у них будут свои кризисы, и они опять будут начинать все сначала.

Исходя из этого, мы свою память, можно так сказать, вывели в эту книжку. Но я понимаю, что это локальный акт. Что да, книжка, да мы ее старательно раздавали по библиотекам, чтобы она сохранилась, чтобы она была доступна, чтобы был услышан наш голос, наше понимание, наше видение ситуации и описание действий – что мы делали, как организовывали себя, как мы воздействовали на региональное сообщество, чего мы добились, что мы изменили в социальной структуре нашей Мурманской области, в тех услугах для населения. То есть как мы хоть чуть-чуть улучшили жизнь в той ситуации и на будущее. Но это все локально.

Н мой взгляд, необходим какой-то центр - какая-то структура, в которой бы это концентрировалось.

Потому что действительно тема женской памяти только-только (никого не хочу обидеть) получает свое звучание и развитие. И конца не видно. Но реально нужен Центр, нужна точка опоры, нужно укоренение.

Н.И. Ажгихина

Мне кажется, идея – вспомнить опыт активисток периода перестройки – это совершенно замечательная тема, она могла быть для очередной встречи.

«Исследовательский интерес студентов, молодых ученых к тому, как женщина проживает свою жизнь, остается значимым»

О.Б. Савинская, социолог, НИУ Высшая школа экономики.

Спасибо большое за возможность участвовать в дискуссии. Я вижу, что среди нас как раз очень много университетских женщин. Я хотела бы говорить про еще одну площадку, где соединяется прошлое и настоящее, и с которой многие из нас очень хорошо знакомы. Это университеты. И в данном

случае я тоже представляю факультет социальных наук, я социолог. И, может быть, буду говорить как раз не о том, как мы передаем женский опыт через литературу. Но мне представляется, что социология – тоже не менее значимая дисциплина, которая позволяет через свой язык изучать обыденность, проживать ее, осознавать, рефлексировать и, соответственно, оставлять тоже в письменных источниках, пусть даже социология дает какой-то свой язык, жанр размышлений и подачи, и фиксации того женского опыта, который есть.

На разных факультетах мы обращаемся к разному женскому опыту. И мы видим, что, несмотря на разные исторические повороты, которые делает наша страна, интерес со стороны молодежи к тому, как женщина проживает свою жизнь, остается значимым. И, более того, мы видим, что ребята также интересуются гендерным подходом, для того чтобы оценить свою, скажем, мужскую жизнь, как он ее проживает. Для того чтобы увидеть женским взглядом мужскую жизнь и наоборот. То, о чем задавался вопрос по поводу героев в произведениях.

Социологический язык также замечательно дает возможность прожить это и, соответственно, зафиксировать. В данном случае как раз я шла с занятия, где мы обсуждали курсовые 20-летних студентов второго курса, которые размышляют, выбирают темы. И несмотря на то, что у нас есть какие-то свои, скажем, сейчас опорные пункты партии и правительства, как у нас часто было, мы видим, что молодежь, в том числе девушки, все равно остаются в своей обыденности. И эта обыденность продолжает заявлять о себе, она продолжает сопротивляться тому, что говорится с каких-то высоких постаментов. Она продолжает жить своей жизнью. И слава Богу, что университет дает те площадки, чтобы продолжать говорить, развивать дискурс об обыденном.

И мне кажется, это важно. Это важно для того, чтобы как раз соединяли и передавали то прошлое. Потому что то, что написано, скажем, за

тридцать лет в рамках разных дисциплин в социальных науках, это сейчас остается востребованным. Из разговоров с молодежью я вижу, что как раз обращение к 90-м снова становится очень интересным. И этот олдскульный этап, как они это могут называть, но, тем не менее, они считают, что это этап свободы.

И мне кажется, то, про что уже говорилось, о некоторой цикличности, и вновь обращение к этому историческому этапу, этапу 90-х – начала 2000-х – он оказывается сейчас снова востребованным. Я вижу, что молодежь интересуется этим этапом, идет к основам, к тому, как восстанавливались или, может быть, развивались впервые гендерные исследования в России. Обращаются к этому для того, чтобы соединить это с современностью, со своим собственным сегодняшним опытом.

Мне кажется, что университет - это еще одна очень важная площадка. Я бы здесь даже говорила не только о тех, кто дойдет до диссертации и станет блестящим ученым или известным продюсером кино и т.д. А о достаточно широком слое студентов, которые, может быть, уйдут потом в самые разные трудовые карьеры, на втором курсе своего бакалавриата год посвятят размышлению над своим женским опытом. Мне кажется, это как раз замечательно. И это еще одна такая важная площадка, где мы продолжаем передавать опыт. Мне кажется, это важно. Хотя он, наверное, кажется таким абсолютно как будто незаметным. Но это очень важно для того, чтобы люди потом прилагали себя в самых разных сферах, но помнили о своем университетском прожитом опыте.

О.М. Здравомыслова. Мы заканчиваем. Мы проделали весь этот круг обсуждения, по-моему, очень плодотворно. Спасибо всем, кто выступал. Спасибо всем, кто активно слушал. Мы намерены продолжать этот разговор о «памяти женского рода» .